

2. Экономические и политические дискуссии: рождение хрущевских реформ

После устранения Берии между Маленковым и Хрущевым начались конфликты, которые касались двух основных аспектов: экономики и роли общества в происходящих изменениях. Что касается экономики, то тут противостояли стратегия развития легкой промышленности, за которую ратовал Маленков, и «союз» сельского хозяйства и тяжелой промышленности, предлагавшийся Хрущевым. Настаивая на развитии производства и снижении цен на товары широкого потребления, Маленков выступал прежде всего как защитник средних и высших служащих, то есть всех тех, кто благодаря социальной мобильности 30-х гг. составил слой, который для простоты можно было бы назвать «средним». Парадоксальным образом Маленков использовал идеи, связанные с понятием сбалансированного развития, выдвинутым за несколько лет до этого Вознесенским, которого он безжалостно преследовал.

Со своей стороны Хрущев, очень обеспокоенный положением в сельском хозяйстве и огромными проблемами этой отрасли, настаивал на необходимости первоочередной помощи селу, понимая значение нормального снабжения горожан. Эта политика предполагала значительное повышение государственных закупочных цен на продукцию колхозов, находившихся на грани разорения; быстрое расширение посевных площадей, что было единственным способом обеспечить высокие темпы роста сельскохозяйственного производства. Освоение целинных земель должно было стать не только дешевым способом немедленно увеличить производство, но и весомым аргументом — в силу необходимости увеличения парка сельхозмашин и тракторов, которого требовал этот замысел, — в пользу подчинения этой программе значительных секторов тяжелой промышленности, находившейся с конца войны под особой опекой Маленкова. Отстаивая эту политику, Хрущев получал возможность представить себя защитником интересов большинства населения и в то же время начать маневр, направленный на ослабление его главного политического противника.

Принятый в августе бюджет на 1953 г. предусматривал большие дотации на производство Товаров широкого потребления, цены на которые были значительно снижены, и в пищевые отрасли (в конце 1953 г. хлеб стоил в три раза дешевле, чем в 1948 г.). Как и следовало ожидать, снижение цен на промышленные товары сопровождалось ростом дефицита. Тогда текущий план был пересмотрен; показатели роста по потребительским товарам были удвоены; уже в 1953 г. рост производства товаров широкого потребления (13%) должен был обогнать увеличение выпуска средств производства (11%). На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК Хрущев нарисовал очень мрачную картину сельскохозяйственной ситуации, которая действительно была катастрофической, одновременно вскрыв и ошибки, и ложь своих политических соперников, прежде всего Маленкова, который на XIX съезде заявил, что «проблема хлеба решена». Хрущев добился для колхозов существенного повышения государственных закупочных цен (в 5,5 раза на мясо, в два раза на молоко и масло, на 50% на зерновые), необходимого для предотвращения полного краха сельского хозяйства. Повышение закупочных цен сопровождалось уменьшением обязательных поставок, списанием долгов колхозов, снижением налогов с приусадебных участков и с продаж на свободном рынке. После долгого периода падения доходы колхозников значительно повысились и продолжали расти до 1957 — 1958 гг.

Расширение посевных площадей, освоение целинных земель Северного Казахстана, Сибири, Алтая и Южного Урала составляли второй пункт программы Хрущева, принятия которой он добивался на февральском (1954 г.) пленуме ЦК. За три года 37 млн. га, что было в три раза больше намеченного в феврале 1954 г. и составляло примерно 30% всех обрабатываемых в то время земель СССР, были освоены сотнями тысяч мобилизованных. Большинство из них составляли комсомольцы, но использовались и заключенные. По своему замыслу эта программа была призвана в сжатые сроки решить проблему производства зерновых. Учитывая низкий уровень производства минеральных удобрений в 1953 г., действительно имело смысл на некоторое время ввести в оборот потенциально очень богатые земли. В этом, однако, был и известный риск: зоны производства зерновых все больше удалялись от районов потребления, что обостряло тяжелую проблему, так и не решенную в СССР, — проблему транспорта. Кроме того, эти зоны находились в области рискованного земледелия и отличались большой уязвимостью почв в отношении эрозии. Тем не менее эта затея, после одного плохого урожая, вызванного засухой 1954 — 1955 гг., в течение нескольких лет приносила положительные результаты. В рекордном урожае зерновых 1956 г. (125 млн. т) доля целинного хлеба составила 50%. Неожиданный успех сыграл не последнюю роль в угверждении Хрущева в качестве неоспоримого лидера на XX съезде партии. Но в целом стабилизация сельскохозяйственной ситуации оказалась несравнимо более трудной задачей, решение которой требовало крупных капиталовложений и значительного увеличения производства удобрений. Климатический риск всегда оставался высоким и время от времени приводил к катастрофам, как, например, в 1963 г.

На пленуме ЦК, состоявшемся в январе 1955 г., Хрущев употребил все свое красноречие, чтобы показать преимущества возделывания кукурузы, которая рассматривалась им как ключ к решению острой кормовой проблемы. За два года куку-

рузой были засеяны 18 млн. га, — часто в районах, которые совсем не подходили для этой культуры. Уже тогда для осуществления того или иного проекта-фетиша начинали применяться беспорядочные акции и поспешные мобилизации, свидетельствовавшие о Неизменности волонтаристских методов управления экономикой.

Опираясь на первые обнадеживающие результаты реформ в сельском хозяйстве (за три года производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 25%), Хрущев старался стимулировать социальную активность, призванную выявить «неисчерпаемые резервы производительности» советских трудящихся и преодолеть внутренние трудности экономического проекта, который базировался на трех трудно сочетаемых целях: повышении уровня потребления, высоких темпах экономического роста и направлении крупных капиталовложений в тяжелую промышленность, всегда рассматривавшуюся в качестве основы дальнейшего развития народного хозяйства. И Маленков, и Хрущев видели необходимость реформирования социальных связей. Для первого отказ от принуждения как принципа организации общественных отношений требовал рационализации существовавших политических механизмов, осторожной передачи власти на более низкие уровни административного аппарата, повышения роли директоров предприятий и хозяйственных кадров, признания важности их технической и профессиональной компетентности. Эти установки исключали всякое вмешательство или участие народных масс. Напротив, Хрущев предлагал более динамичный и новаторский подход популистского толка, признававший определенную способность широких масс к инициативе и влиянию на развитие событий. Понимая, что глубина реформирования определялась лишь степенью страха руководства перед тяжелым социальным кризисом, Хрущев поощрял запросы населения, порождавшие этот страх. В то же время он старался пробудить в массах социальную активность, обращаясь через голову партаппарата непосредственно к гражданам, заявляя, например, следующее: «У нас очень много таких людей, которые не носят в кармане партийного билета, но всем -своим существом, своим беззаветным трудом на благо общества выражают большевистскую партийность». Однако в отличие от сталинских призывов к «маленьким людям», к «простым труженикам» хрущевская политика, обращенная «ко всем гражданам», не заключала в себе ни явного указания на общественного «врага», ни пренебрежения к «законным» методам контроля и управления. Популизм Хрущева не предвещал новых чисток, являясь лишь одной из граней политики Первого секретаря ЦК КПСС, который старался создать себе одновременно две опоры: одну — в населении, представляя себя как руководителя, заботящегося о повышении уровня жизни, людей и о том, чтобы вернуть их в политическую жизнь, а другую — в среде руководства и кадров партии, утверждаясь в качестве единственного лидера, способного отвести угрозу социального кризиса посредством реформирования (ограниченного) общественных отношений. Эта популистская политика предполагала активизацию не только партии, но и других общественных организаций (прежде всего профсоюзов), отказ от наиболее жестоких форм принуждения, вывод трудовых отношений из сферы действия уголовного права. Все эти меры должны были приглушать социальные конфликты на предприятиях и в колхозах, стимулировать инициативу и производительность трудящихся.

Вполне отчетливо новые веяния в общественном сознании проявились на XI съезде профсоюзов (7 — 14 июня 1954 г.) — первом после окончания войны. В выступлениях на съезде профсоюзные лидеры упрекали за то, что никогда не защищали трудящихся, не боролись против чрезмерной разницы зарплат, произвольно назначавшихся директорами предприятий, против практики незаконных увольнений по воле администрации, против пренебрежения техникой безопасности. Констатируя глубокое разочарование трудящихся в профсоюзах, съезд призвал последние проявлять отныне бдительность в защите прав трудящихся. Среди намеченных изменений на первом плане фигурировали упорядочение норм выработки, усиление надзора за сверхурочными работами и контроля за материальным поощрением, особенно в натуральных формах, поскольку в этой области, например в распределении жилья, решения чаще всего принимались исходя из личных симпатий и антипатий. Вскоре были возрождены упраздненные в конце 20-х гг. «производственные совещания». В комиссиях, созданных для улучшения работы предприятий и учреждений, были объединены представители администрации и специалисты. Однако трудности, с которы-

ми столкнулись профсоюзы в осуществлении их новой роли, оказались весьма значительными (свидетельством этого было уже само увеличение числа вновь созданных структур), и критика руководства профсоюзов за неудовлетворительную защиту интересов трудящихся продолжалась до конца 50-х гг.

Одновременно с попытками оживить общественные организации власти вывели из сферы уголовного права трудовые отношения, прежде всего отменив «драконовские» законы 1938 — 1940 гг. и начав пересмотр трудового законодательства с целью восстановления более гуманных положений Кодекса 1922 г. (эта реформа, однако, не была завершена). Основным результатом отмены предвоенных законов стал значительный рост текучести рабочей силы. По некоторым данным, в 1956 г. поменяли место работы примерно треть рабочих. Тем не менее за пятилетие (1953 — 1958 гг.) произошло существенное улучшение материального положения городских трудящихся как в области заработной платы, повышавшейся в среднем на 6% в год, так и в потреблении, которое выросло по овощам и фруктам в 3,4 раза, по молочным продуктам на 40%, мясу на 50%, рыбе на 90%. Эти успехи имели существенное значение для роста авторитета Хрущева, которому удалось персонифицировать в своей личности эту новую политику, направленную на повышение уровня потребления, быстрый рост производства и смягчение практики принуждения, до 1953 г. определявшей всю общественную жизнь.

Маленков, чьи позиции были ослаблены расстрелом Абакумова, обвиненного в фабрикации — при поддержке Маленкова — «ленинградского дела», подвергся суровой критике на состоявшемся 25 января 1955 г. пленуме ЦК партии как за свои ошибки в сельскохозяйственной политике начала 50-х гг., так и за «правый уклонизм». Накануне главный редактор «Правды» Шопилов выступил против «вульгаризаторов марксизма», которые под предлогом преимущественного развития легкой промышленности и производства товаров широкого потребления возродили «справедливо осужденные правоуклонистские идеи Бухарина и Рыкова». 8 февраля Маленков был вынужден выступить перед Верховным Советом с заявлением об отставке и признать, что ввиду его управленческой неопытности и ошибок в области экономики необходимо поручить его функции «другому товарищу, более опытному в государственной работе». Руководство правительством перешло к Булганину, который в свою очередь уступил пост министра обороны Жукову. Эти перестановки были для Хрущева несомненной, но еще не полной победой: его собственные функции оставались теми же, что и прежде. Маленков же, ставший зампредом Совета Министров, остался членом Президиума и сохранил возможных союзников (Первухин, Сабуров и Микоян стали первыми заместителями председателя Совета Министров вместе с Молотовым и Кагановичем). Казалось бы, задуманные Хрущевым реформы могли быть реализованы только с помощью консерваторов, таких, как Молотов и Каганович. Однако вскоре, уже в марте 1955 г., Каганович был отстранен от руководства планированием в промышленности. Что касается Молотова, который не скрывал своего враждебного отношения к примирению с Югославией и договору с Австрией, он был вынужден признать свои ошибки на пленуме ЦК в июле 1955 г. и в октябре того же года заняться публичной самокритикой на страницах журнала «Коммунист» по поводу своего заявления о том, что в СССР были созданы «только основы» социализма. Хрущев же считал, что СССР уже находился на стадии перехода от социализма к коммунизму.